

Oksana Petričenko

Narodowy Uniwersytet Lotniczy (Ukraina)

ORCID: 0000-0003-4846-6697

КВАЗИ-РЕЛИГИОЗНАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
И РИТУАЛЬНЫЕ ИМПЛИКАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Наука XXI столетия, в том числе и филологическая, объединяет в себе, с одной стороны, тяготение к узкоспециальному направлению исследований, а с другой – расширение междисциплинарных парадигм, когда самые интересные результаты получаются на стыке смежных или даже отдаленных дисциплин. Так в поле зрения современной лингвистики попадает много новых объектов, а особенно тексты так называемой массовой культуры.

Анализируя влияние массовой культуры на реципиента, исследователи¹, как правило, выделяют использование разного рода импликатур – неявной, скрытой информации (в отличие от явных, эксплицитных сведений). Притягательность имплицитного непосредственно связана и обусловлена, во-первых, тем, что оно действует в обход аналитических процедур человеческого мозга, а потому не поддается оценке, воспринимаясь адресатом как данность. Во-вторых, человек сам считывает информацию из текста, а не получает ее в готовом виде, поэтому не ищет подтверждений и доказательств. К тому же, импликатуры ритуально-мифологического происхождения, довольно распространенные на сегодня, являются целостными

---

¹ См., напр., *Рекламный текст: семиотика и лингвистика*, ред. Ю.К. Пирогова и др., Москва 2000, с. 97.

конструкциями, вариантами разворачивания той или иной архетипической ситуации, и в итоге определенные пропущенные звенья сценария автоматически «дописываются» слушателем/зрителем/читателем.

Принципиальным, на наш взгляд, является также привлечение имплицитур с чертами религиозной, а скорее «квази-религиозной интенциональности» (термин В.А. Маринчака²). Оставляя в стороне, с одной стороны, социологический по происхождению вопрос о религиозном в основе своей субстрате общественного строя, а с другой – случаи непосредственного привлечения теологических мотивов, к примеру, в рекламных, кино- или телетекстах (эти вопросы признаем безусловно значимыми, однако требующими отдельного научного рассмотрения), подчеркнем, что интенциональность определяется как «первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету»³. Квази-религиозный же ее характер (в отличие от чисто религиозного) считаем обусловленным тем, что черты абсолютизации приобретает так или иначе воспринятая ценность, пусть и не всегда высшей пробы.

Проиллюстрируем реализацию очерченных теоретических положений на примере не часто цитированных лингвистикой, но довольно массовых по бытованию текстов сферы так называемой *блатной лирики*. Современные исследователи, анализируя их, акцентируют внимание на маркированных лексемах⁴ или изучают ореол стихового размера воровских поэзий, утверждая, в частности, что «общеизвестная *Мурка* связана с некоторыми произведениями романтиков Жуковского и Баратынского»⁵, подчеркивая семантику, которая «столетиями сохраняет смыслы, открытые когда-то, но со временем забытые»⁶.

² В.А. Маринчак, *Мифоритуальные архетипы и религиозная интенциональность в поэтическом тексте*, «Вісник Харківського університету» 1999, № 448, Серія: Філологія, с. 96.

³ *Современная западная философия. Словарь*, сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов, 2-е изд. перераб. и доп., Москва 1998, с. 169.

⁴ См., напр.: М.А. Грачев, *От Ваньки Каина до мафии*, Санкт-Петербург 2005.

⁵ О.О. Рибальська, І.Ф. Чунис, *Комплексне дослідження текстів злочинців як один з можливих способів складання психологічного портрету*, [в:] *Тези науково-практичної конференції «Фізичні методи та засоби контролю матеріалів та виробів ЛЕОТЕСТ-98»*, Київ–Львів 1998, с. 143.

⁶ Е.О. Рыбальская, *Семантизация имени «Нина» в блатной лирике 20–70-х годов как способ активизации забытых смыслов*, [в:] *Мова і культура: Наукове видання*, вип. 2, т. 3, *Мова і художня творчість*, Київ 2000, с. 401.

Важным, по нашему мнению, представляется также соотнесение текстов преступного мира с древнейшими ритуальными схемами, как бы «прорастающими» в современную культуру (ср.: «предполагается, что в принципе носители традиции, независимо от степени затронутости городской культурой, помещают себя в мифологизированное пространство, ориентированное на архетипическую модель мира»⁷). Обходя дискуссионный вопрос о происхождении и сопоставлении ритуала, мифа и языка, отметим, что в самом общем определении ритуал – это костяк жизни человека, сопровождающий его от рождения до смерти, особенно в определенные специфические моменты бытия (рождение ребенка, свадьба, юбилей и т. д.). Вполне логично, что пребывание за решеткой также может быть отнесено к специфическим состояниям человеческой жизни. В ритуале нет и не предусмотрено зрителей или слушателей – только участники действия; можно описать его ключевые символы, но знать ритуал – означает войти в его ритм, стать частью его мира. Аналогичными, по сути, являются характеристики корпуса текстов преступного мира – предназначены для своих, посвященных, для этого же используется и собственный тайный язык (ср. результаты этимологических разысканий с выводом, что арготизм *блат* (с учетом его происхождения от слов: *ладонь, раскрытая ладонь, листок*) с самого начала имел в своей семантике компонент принадлежности к избранному обществу⁸).

Одной из основных составляющих ритуального действия является неперенный обряд жертвоприношения, детально описанный фольклористами и этнографами, в частности на славянском материале, начиная с защищенной в Харькове в 1846 году докторской диссертации И.И. Срезневского *О языческом богослужении древних славян, по свидетельствам современным и преданиям*. Сопоставляя сюжеты многих воровских текстов, легко заметить, что в них также прослеживаются очень частотные жертвенные мотивы (цитаты здесь и далее даны в сокращенном виде и без названий произведений; источниками служили изданные

⁷ Т.В. Цивьян, *Мифологическое программирование повседневной жизни и его кодирование в тексте*, [в:] Т.В. Цивьян, *Модель мира и ее лингвистические основы*, Москва 2006, с. 109.

⁸ З.В. Рожченко, *Мова їдиш, російське кримінальне арго та український молодіжний сленг*, [в:] *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: Язык и общество*, ред. Л.А. Кудрявцева, Київ 2004, с. 207.

сборники-антологии *Споєм, жиган...* (1995), *Городской шансон* (2002) и записанные нами устные песенные тексты):

А сколько костей на дороге!
 Вся кровью она залита.
 А кровь эта ала, кипуча
 Струю по рельсам бежит.
 За жизнь уркагана и вора
 Другой будет счастливо жить⁹.
 Скоро, скоро пойдешь ты венчаться
 А меня на погост понесут
 Тебе музыка вальс заиграет
 А мне «Вечную память» споют¹⁰.
 Шел я к вахте босыми ногами
 Как Христос, и спокоен и тих
 Десять суток кровавыми красил губами
 Я концы самокруток своих¹¹.

Примеры можно приводить еще и еще, но общая генеральная сюжетная схема выглядит таким образом: заключенный самоидентифицируется (ср.: «в идее добровольности и заключено противопоставление жертвоприношения убийству»¹²) как неизбежная полная или частичная жертва, необходимая для расцвета и продолжения жизни «на воле» (ср. в этой связи мнение криминальных юристов: «Одна из самых действенных мер, удерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности... [курсив – О.П.]»¹³). Французский этнолог Р. Жирар предложил новую трактовку функции жертвоприношения в архаическом обществе, переводя этот ритуал в социально-исторический план: общество постоянно вырабатывает средства борьбы с насилием или злом – эту роль и выполняют жертвы приношения по принципу «*клин клином*».

⁹ М.В. Шелег, *Споєм, жиган...: Антологія блатної песні*, Санкт-Петербург 1995, с. 238.

¹⁰ Там же, с. 296.

¹¹ *Городской шансон*, Донецк 2002, с. 40.

¹² Т.В. Цивьян *Образ и смысл жертвы в античной традиции (в контексте основного мифа)*, [в:] *Палеобалканистика и античность*, ред. В.П. Нерознак, Москва 1989, с. 127.

¹³ В.І. Осадчий, О.І. Плужник, *Особиста воля і відбування покарання у виправних установах*, [в:] *Злочини проти особистої волі людини*, Харків 2002, с. 81.

В общих чертах такая схема напоминает ритуальный сценарий, получивший у фольклористов и этнографов название «*строительной жертвы*». Ее суть заключается в том, что, дабы построить что-то новое, в основание следует положить человеческую жертву или хотя бы ее тень (ср. многочисленные средневековые легенды о телах или частях тел, вмурованных в стены замков или крепостей). Подобные ритуальные мотивы широко представлены и в художественной литературе – достаточно вспомнить «Легенду о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского с идеей о ребенке как жертве будущей гармонии¹⁴.

С другой стороны, ведущей темой многих песенных текстов преступного мира являются особенные криминальные татуировки – так называемые *наколки*. Это своего рода ритуальный знак посвящения, принадлежности к определенному миру (о чем уже упоминалось выше):

Прошлась по коже иголка, иголочка,
Как по душе протопталась судьба.
С тех пор осталась наколка, наколочка,
Ее забыл бы, да только нельзя.

Иметь наколку означает иметь соответствующую судьбу; поменять ее на что-то другое означает изменить собственную судьбу, что обычно карается смертью:

В руках он держит разные бумаги
А на груди – ударника значок.
Ах, здравствуй, Маня, детка дорогая,
Привет Одессе, розовым садам!
Скажи вора, что Колька вырастает
Героем трассы в пламени труда¹⁵.

Следует отметить, что символика отдельных элементов криминальных татуировок на сегодня детально описана в специальной литературе, а также, в сочетании с богатым иллюстративным материалом, представлена в некоторых словарях символов¹⁶. К примеру, изображение церкви с маковками указывает (по количеству маковок) на срок наказания:

¹⁴ Подробнее об этом: В.Е. Ветловская, *Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва»*, [в:] *Миф – фольклор – литература*, ред. В.Г. Базанов, Ленинград 1978, с. 81–113.

¹⁵ М.В. Шелег, там же, с. 198.

¹⁶ См. Е.Я. Шейнина *Энциклопедия символов*, Москва–Харьков 2002, с. 275–286.

Сколько сердце насчитало этих куполов –
 Столько лет платил я по счетам моих долгов.

Для нас же больший интерес представляет иной аспект темы. Этимологически корень *кол-*, вычленяемый из слова *наколка*, связан, по словарным дефинициям, со значением ‘убивать, приносить в жертву’, с войной и кузнечным делом¹⁷ (ср. в этой связи данные фоносемантических исследований о том, что «звукокомплексы с К могут означать „резать“»¹⁸). Можно обратить внимание и на выводы исследователей о том, что «в образованиях с корнем *кол-/кл-* представлены отдельные составляющие древнего ритуала жертвоприношения»¹⁹. Это возвращает нас к идее жертвенного ритуала, а также поясняет особенную роль в преступных текстах фигуры так называемого *кольщика* (человека, создающего татуировки):

Кольщик, накопи мне купола
 Рядом чудотворный крест с иконами,
 Чтоб играли там колокола –
 С переливами да перезвонами

Подчеркнем, к слову, что *колокол* по словообразовательной модели – это *кол-* в двойной конденсации. Можно вспомнить, что любой ремесленник, по определению С.С. Аверинцева, является «скромным, но легитимным побратимом» чародея, волхва, а *кольщик* – легитимным побратимом фольклорного кузнеца, демиурга своего мира.

Таким образом, согласно идеям школы ритуалистов²⁰, старые обычаи и обряды сохраняются во времени соответствующим образом, даже если их смысл претерпел изменения. Как и раньше, их истоки лежат в жертвоприношениях. Вот почему отдельные черты жертвенных ритуалов и в дальнейшем транслируются коллективными представлениями. По нашим наблюдениям, присутствующий в текстах преступного мира ритуал жертвоприношения имеет вид имплицитной мифологии с чер-

¹⁷ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, т. 2, Москва 1986, с. 296.

¹⁸ В.В. Левицкий, *Звуковой символизм: Мифы и реальность*, Черновцы 2009, с. 102.

¹⁹ Ю.В. Бердышева, *Лексические данные русского языка с корнем кол-/кл-, отражающие представления древних славян (обряд жертвоприношения)*, «Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна» 2004, № 607, Серія: Філологія, вип. 39, с. 199.

²⁰ Подробнее см.: J. Fontenrose, *The Ritual Theory of Myth*, University of California Press, 1966, с. 78.

тами квази-релігійної інтенціональної направленості. Попутно підкреслимо, що при описаннях деяких соціолінгвістических експериментів злочинців *по типу мировосприяття* (курсив наш – О. П.) дослідники об'єднують разом з монастирськими послушниками²¹.

Безумовно, відзначені нами риси не виснажують всієї означеної теми, а тому наступні кроки в цій області зможуть поглибити отримані результати.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердышева Ю.В., *Лексические данные русского языка с корнем кол- / кл-, отражающие представления древних славян (обряд жертвоприношения)*, «Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна» 2004, № 607, Серія: Філологія, вип. 39, с. 199–202.
- Ветловская В.Е., *Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва»*, [в:] *Миф – фольклор – литература*, ред. В.Г. Базанов, Ленинград 1978, с. 81–113.
- Городской шансон*, Донецк 2002.
- Горошко Е.И., *Языковое сознание: гендерная парадигма*, Москва–Харьков 2003.
- Грачев М.А., *От Ваньки Каина до мафи*, Санкт-Петербург 2005.
- Левицкий В.В., *Звуковой символизм: Мифы и реальность*, Черновцы 2009.
- Маринчак В.А., *Мифоритуальные архетипы и религиозная интенциональность в поэтическом тексте*, «Вісник Харківського університету» 1999, № 448, Серія: Філологія, с. 96–100.
- Осадчий В.І., Плужник О.І., *Особиста воля і відбування покарання у виправних установах*, [в:] *Злочини проти особистої волі людини*, Харків 2002, с. 79–83.
- Рекламный текст: семиотика и лингвистика*, ред. Ю.К. Пирогова и др., Москва 2000.
- Рибальська О.О., Чунис І.Ф., *Комплексне дослідження текстів злочинців як один з можливих способів складання психологічного портрету*, [в:] *Тези науково-практичної конференції «Фізичні методи та засоби контролю матеріалів та виробів ЛЕОТЕСТ-98»*, Київ–Львів 1998, с. 142–144.
- Рожченко З.В., *Мова їдиш, російське кримінальне аргі та український молодіжний сленг*, [в:] *Актуальні проблеми вербальної комунікації: Язык и общество*, ред. Л.А. Кудрявцева, Київ 2004, с. 204–211.

²¹ См. напр.: Е.И. Горошко, *Языковое сознание: гендерная парадигма*, Москва–Харьков 2003, с. 335–338.

- Рыбальская Е.О., *Семантизация имени «Нина» в блатной лирике 20–70-х годов как способ активизации забытых смыслов*, [в:] *Мова і культура: Наукове видання*, вип. 2, т. 3, *Мова і художня творчість*, Киев 2000, с. 400–409.
- Современная западная философия. Словарь*, сост. и ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов, 2-е изд. перераб. и доп., Москва 1998.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, т. 2, Москва 1986.
- Цивьян Т.В., *Мифологическое программирование повседневной жизни и его кодирование в тексте*, [в:] Т.В. Цивьян, *Модель мира и ее лингвистические основы*, Москва 2006.
- Цивьян Т.В., *Образ и смысл жертвы в античной традиции (в контексте основного мифа)*, [в:] *Палеобалканистика и античность*, ред. В.П. Нерознак, Москва 1989, с. 119–131.
- Шейнина Е.Я., *Энциклопедия символов*, Москва–Харьков 2002.
- Шелег М.В., *Споем, жиган...: Антология блатной песни*, Санкт-Петербург 1995.
- Fontenrose J., *The Ritual Theory of Myth*, University of California Press, 1966.

Oksana Petrichenko

National Aviation University

SUMMARY

Quasi-Religious Intentionality and Ritual Implicatures in Modern Mass Culture

The article is an attempt to give a linguistic definition of the oldest ritual of sacrifice and its important role in the human perception. The investigation is made upon the analysis of the modern Russian mass culture.

Key words: symbol, archetype, ritual, sacrifice, implicature.

Ключевые слова: символ, архетип, ритуал, жертва, импликатура.